

- Он же. Проблемы происхождения славянской теонимии (опыт верификации) // Świątówit. T. XL. Warszawa, 1995, 185–190.
- ² Де Соссюр Ф. Анаграммы // Труды по языкознанию. М., 1977. Там же литература вопроса.
- ³ Иванов Вяч. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974, 166; Он же. Соловей-разбойник // Мифы народов мира. 1988, 460.
- ⁴ Мартынов В. В. Праславянский язык и его место в западно-балтийском диалектном континууме. Минск, 1988, 16–17.
- ⁵ Machek V. Expressive Vokaldehnungen in einigen slavischen Nomina // ZfSl, 1, 1956, 35–36.
- ⁶ Хэмн Э. П. Заметки по поводу этимологического словаря славянских языков // Этимология, 1986–1987. М., 1989, 84.
- ⁷ Мартынов В. В. Балто-славянские этимологии // Acta Baltico-Slavica XVI, 1984, 179–181.

А. К. Матвеев

ТОПОНИМИЧЕСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. XII*

1. Чёлмохта

Река Чёлмохта – правый приток Северной Двины в Холмогорском районе Архангельской области. Этимологию топоосновы чёлм- находим у Фасмера, который сопоставляет эту основу с саам. норв. *šoalbmte*, *šoalme* ‘пролив’¹. Основа широко распространена на Русском Севере. Фасмер приводит названия *Челмус* (озеро) и *Челмозеро* (дважды), объясняя таким же образом². Фактически их больше: в картотеке Севернорусской топонимической экспедиции (СТЭ) засвидетельствованы пять *Чёлмозеро*, *Чёлмасозеро*, остров *Чёлмаличма* и др.

В этимологии Фасмера сомневаться не приходится, тем более что озера с этими названиями, как правило, имеют стоки или проливы, а *Чёлмохта* протекает через большое *Верхнечелмохотское* озеро. Проблему, однако, создает топоформант *-охта*. Фасмер пишет, что этот формант неясен и что он, во всяком случае, не связан с фин. *otsa* ‘конец’³. Последнее бесспорно. Но главное, что в гидронимии Русского Севера формант *Vхта* встречается очень редко, нигде не образуя скольконибудь заметных скоплений. Единичен в своем микрорегионе и гидроним *Чёлмохта*. Неудивительно, что он представляет большой интерес как с этимологической, так и с ареальной точки зрения.

В то же время в Волго-Окском междуречье и Костромском крае названия на *Vхта* обыкновенны: *Воехта*, *Ирехта*, *Колохта*, *Молохта*,

* Предшествующие статьи этой серии см. в ж. “Советское финно-угроведение”: 1969 (№ 4), 1970 (№ 2), 1972 (№ 3), 1973 (№ 1, 4), 1974 (№ 4), 1975 (№ 1), 1976 (№ 3, 4), 1977 (№ 3), 1978 (№ 1).

Нерехта, Сонохта, Сорохта, Тохта и др. При этом обращают на себя внимание следующие два обстоятельства. Во-первых, гидронимы на *Vхта* фиксируются в пределах ареала наименований на *Vкса, Vкша* (*Кочекса, Надокса; Колокша, Падокша* и т.п.). Во-вторых, налицо явный параллелизм типов, ср. *Молокса – Молокша – Молохта, Колокса – Колокша – Колохта, Сорокса – Сорокша – Сорохта* и т.п.

Фасмер считает все эти названия “неиндогерманскими”, принадлежащими какому-то древнему населению, чье финно-угорское происхождение пока не доказано⁴, хотя некоторые из таких топонимов, например, *Колокша*, он отнесил к мерянским, сравнивая с мар. *kol* ‘рыба’ и усматривая в форманте марийский суффикс *-kš* (см. З. *Кулой и Коленьга*).

Так или иначе, между названиями на *Vкса, Vкша* и на *Vхта* в Волго-Окском междуречье и Костромском крае прослеживается определенная связь. Отсюда следует, что гидронимы этих типов могут быть коррелятивны и на Русском Севере, где довольно часто встречаются наименования на *Vкса, Vкша* (*Илекса, Ненокса; Шилекша, Шомокша* и т.п.). Названия такого рода сосредоточены преимущественно в западной и южной частях Русского Севера примерно до линии устье Сев. Двины – устье Ваги и далее по Ваге и Сухоне⁵. Интересующая нас *Чёлмохта* находится на окраине этого ареала.

Из опытов интерпретации форманта *Vхта* прежде всего следует назвать наблюдения Е.М. Пospelова, который по аналогии с прибалтийско-финским соответствием *laksi – lakši – lahti* ‘залив’ (в русском освоении *лакса – лакша – лахта*) построил такие ряды географических терминов-топоформантов, как *окса – окша – охта, укса – укша – ухта, акса – акша – ахта* и сделал вывод, что между *Vкса, Vкша, Vхта* имеется генетическая связь⁶. Выявленные топоформанты Е.М. Пospelов сопоставил как с финно-угорскими словами, имеющими значение ‘ветвь’ (ср. мар. *уки*), ‘ручей, небольшая речка’ (мар. *икса*)⁷, так и с манс. *ахт* ‘небольшая река, всегда имеющая воду’⁸. Последнее открыло путь для обско-угорских толкований топонимов на *Vхта* в работах А.П. Афанасьева, который все названия Русского Севера с основами *ухт-, охт-, вохт-* пытается привязать к историческим волокам и как эти названия, так и гидронимы типа *Вычегда* (с формантом *-егда/-ехта ~ -охта*) сопоставляет с хант. *охгот* (*охгт*), *ухгут* (*ухгт*) ‘перешеек между двумя речками, по которому перетаскивают лодки’, манс. *ахт* ‘проточка’⁹.

По-видимому, формант *-охта* в *Чёлмохта* действительно может толковаться ‘река, протока, ветвь’, однако наиболее убедительные соответствия обнаруживаются в прибалтийско-финских и саамских источниках, ср. фин., карел. *окса*, вепс. *oks*, эст. *oks* ‘ветвь’ и саам. норв. *oakse* то же¹⁰, тогда как угорское происхождение *-охта* в топониме *Чёлмохта* легко опровергнуть: нет никаких данных о пребывании угров на Русском Севере после саамов. А ведь по правилам финно-угорской сочетаемости слов в этом случае детерминант *-охта* мог быть присоединен только к концу саамского слова. Саамы оставили здесь богатое наследие в топонимии и русской диалектной лексике, например, то же самое

чёлма ‘пролив’, угорские же реликты вообще проблематичны. Таким образом, предполагаемые угры могли быть лишь древними предшественниками саамов, а это противоречит структуре обсуждаемого топонима (тогда было бы **Охточёлма*). Поэтому при этимологизации форманта *-охта* речь может идти только о сопоставлении с прибалтийско-финскими и саамскими источниками. В “саамском” варианте гидроним генетически однороден (‘Проливная ветвь’), в “прибалтийско-финском” гетерогенен: прибалтийско-финский термин наследуется на саамский (‘пролив’ + ‘ветвь’). Отсюда следует, что лингво-этническую принадлежность форманта определить нелегко. Зато есть возможность, учитывая, что *Чёлмохта*, будучи изолированным названием, входит в ареал *Вкса*, восстановить форму **Чёлмокса*, которая, скорее всего, должна рассматриваться как саамская или севернофинская¹¹ подобно другим севернорусским названиям на *Вкса*, допускающим широкий спектр лингвоэтнических интерпретаций на общем прибалтийско-финско-саамско-волжском фоне.

Остается, однако, вопрос, как *Вкса* > *Вхта*, особенно с учетом того, что у слова, засвидетельствованного в фин. *oksa*, саам. *oakse*, мар. *уки* и т.п., такие возможности на финно-угорской почве не просматриваются, что уже справедливо заметила И.И. Муллонен¹². Решение вопроса в данном конкретном случае, видимо, следует искать в другой плоскости – сфере русского освоения.

Прежде всего, необходимо иметь в виду, что слов с исходом на *-кса* и *-хта* в русском языке вообще очень мало, и почти все они иностранные. Исключение – топонимы, которые тоже заимствуются, но могут быть высокочастотны. Однако в процессе порождения вторичных форм от названий на *Вкса*, *Вкша* и *Вхта* есть большая разница. Среди оттопонимических производных особенно важны и частотны вторичные образования с относительным суффиксом *-ск-*. В гидронимах на *Вхта* их создание облегчается гласным, который разъединяет *х* и *т* и тем самым упрощает трудно произносимое стечение нескольких согласных: вместо **Верхнечелмохтское* имеем *Верхнечелмохтское* озеро, а ранее *Челмохотская* волость, *Челмохотский* приход. В этом случае наблюдается регулярность и производные создаются по модели (*Нерехта* – волость *Нерехотская*, ср. также *Вологда* – *вологодский*, *Вычегда* – *вычегодский* и т.п.).

При образовании вторичных форм от названий на *Вкса*, *Вкша* возникают более значительные трудности. Сочетание *кс(кш)* + *ск* непродуцируемо, и язык всеми способами стремится от него избавиться. Ср. на Русском Севере: р. *Выкса* – “под Выкоским островом”¹³, р. *Ёкса* – болото *Ёхотское* (СТЭ), р. *Икса* – луга *Иковские* (СТЭ); волость *Ненокса* – волость *Ненокотская*¹⁴, р. *Шомокиа* – озеро *Шомотское* (СТЭ) и т.п. По обратному словообразованию могли бы соответственно возникнуть формы типа **Ёхта*, **Ненокта* > **Ненохта*, **Шомотка* > **Шомотхта*. Но язык использует не все свои возможности и не во всех случаях. Тем не менее имеются факты, подтверждающие возможность таких

преобразований, например, в памятнике 1591 г. вместо *Ненокса*, *Ненокотский* посад читаем “у нихъ въ *Ненохтѣ*”, “въ *Ненохотцкой* посадъ”¹⁵. Надо полагать, нечто подобное могло произойти и с предполагаемой формой **Чёлмокса* > *Чёлмохотская* (волость) > р. *Чёлмохта*. Таким образом, *-охта* в данном случае не финно-угорский формант топонимического суффикса *-окса*, а его русская трансформация.

Более проблематичная возможность *Вкса*, *Вкша* > *Вхта* в Волго-Окском междуречье и Костромском крае, главным образом из-за множественности фиксаций гидронимов на *Вхта*, хотя рассмотренный севернорусский материал и смежность ареалов свидетельствуют о том, что такой путь освоения и в этих местах совсем исключить нельзя.

Анализ гидронима *Чёлмохта* следует рассматривать не только как частную этимологию, но и как практическую реализацию приема, с которым следует считаться при изучении субстратной топонимии Русского Севера: неудобные консонансы возникали и при освоении других топонимических формантов, так что роль обратного словообразования в этом процессе могла быть весьма заметной.

2. *Ухтоостров*, *Колмогоры* и *Нальеостров*

Топооснова *ухт-* (варианты *уфт-*, *ух-*) – одна из самых распространенных на Русском Севере (*Ухта*, *Ухтюга* > *Уфтюга*, *Ухтаньга*, *Ухтома*, *Ухтаж*, **Ухтваж* > *Ухваж*, *Ухтозеро*, *Ухтнаволок*, *Ухтоостров* и т.п.). Известна она и в мерянских землях Подмосковья (*Ухтома*, *Ухтохма*). Эта топооснова, по-видимому, коррелятивна с такими основами, как *охт-* (*Охтома*, *Охтонга* и др.), *бохт-* (*Бохтенга*, *Бохтюга* и др.), *вохт-* (*Вохтома*, *Вохтыши* и др.). Несмотря на очень широкое распространение, основа до сих пор не получила убедительной этимологической интерпретации, хотя обсуждаются несколько достаточно “топонимических” вариантов: 1. фин. *ohito*, морд. *овто* ‘медведь’¹⁶, 2. субстратное (прибалтийско-финско-саамско-волжское) *окса* ~ *охта* ‘река, протока’¹⁷, 3. хант. *охгот* (*охгт*) ‘волок’, манс. *ахт* ‘проточка’¹⁸. О том, что топонимический суффикс *-охта* может иметь русское происхождение, см. выше (1. *Чёлмохта*). Но есть еще один путь этимологизации этих загадочных названий, который хотя бы в некоторых случаях представляется продуктивным и тем самым заставляет сомневаться в гомогенности наименований с топоосновой *ухт-*.

Вернемся к полузабытой этимологии М. Кастрена, который сравнивал название *Ухтоостров* (*Uchtoostrow*) с фин. *ykxi* (*yhden*) ‘один’, *Холмогоры* (*Cholmogor*) – с фин. *kolme* ‘три’ (в памятниках до конца XVII в. только *Колмогоры*, причем и местные крестьяне во времена Кастрена употребляли ту же форму – *Kolmogor*) и *Нальеостров* (*Njaljostrow*) – с фин. *neljä* ‘четыре’¹⁹. Сравним эти названия с расположением соответствующих географических реалий, как, надо полагать, поступал и Кастрен. По главному руслу Сев. Двины снизу (от Архангельска) вверх (к Устью Пинеги) друг за другом следуют острова: 1. Ухтоостров, 2. Вашка-

ранда, 3. Куростров, 4. Нальеостров. Таким образом, *Ухтостров* и *Нальеостров* действительно оказываются соответственно *первым* и *четвертым*²⁰. Наименование *Вашкаранда* у Кастрена отсутствует, но оно и не имеет отношения к обсуждаемому вопросу (основа *вашка* не интерпретируется как числительное, а топоформант *-ранда* связан с карел. *randa* ‘берег’). Топоним *Куростров* имеет общую основу с названием левой притоки Двины *Курополка*, а также левого притока *Курья*, впадающего против нижнего конца Курострова, т.е. *Куростров* ‘Курейный остров’ (ср. фин. *kuri*, саам. йок. *kurr* ‘длинное узкое углубление; заливчик или ложбина’). Так как *Холмогоры* (< *Колмогоры*) находятся против Курострова, можно предположить, что некогда он мог называться **Колмостров*. Неидентифицированным остается только название *Тойнокурья* (*Tojnokurja*), которое Кастрен также относит к числу холмогорских, сравнивая с фин. *toinen* ‘второй’. Ничего не имея против лингвистической стороны сопоставления, заметим, что по данным СТЭ название *Тойнокурья* относится не к холмогорским местам, а к устьям Сев. Двины. Тем не менее уже идентифицированные факты образуют очень редкий по степени сохранности фрагмент древней топонимической системы. Наивно было бы думать, что могли оставаться без изменений названия всех четырех островов. Поэтому версия Кастрена достаточно убедительна и должна учитываться при объяснении топонимов с основой *ухт-*, т.е. для них возможна своего рода топонимическая омонимия.

Однако лингвоэтническая принадлежность названий требует уточнения. Кастрен сопоставляет их только с финским (suomi) языком, но необходимо учитывать и саамские данные. Ср.:

	фин.	саам. норв.	саам. кольск.
1. <i>Ухтостров</i>	<i>yksi (yhden)</i>	<i>okta</i>	<i>Ѣххт</i>
2. * <i>Колмостров</i>	<i>kolme</i>	<i>golbmâ</i>	<i>кбллм</i>
4. <i>Нальеостров</i>	<i>neljä</i>	<i>njællje</i>	<i>нѢлльй</i>

Если названия *Ухтостров* и **Колмостров* могут интерпретироваться как на прибалтийско-финской, так и на саамской почве, то *Нальеостров* по вокализму ближе к саамским данным и тем загадочным словам типа *вагмас* ‘заболоченный лес с буреломом и кустарником’ ~ фин. *vehmasto* ‘очень густой лиственный лес или кустарник’, о которых нам уже приходилось писать²¹. Это позволяет предположить, что и сохранившийся фрагмент древней топонимической системы, выявленный Кастреном, восходит не к известным прибалтийско-финским языкам, а субстратному языку прибалтийско-финского типа с элементами саамского вокализма (фин. *e* ~ саам. *æ*) или какой-либо иной специфической языковой форме древнего Подвинья.

3. Кулой и Коленьга

На Русском Севере два гидронима *Кулой*: название значительной реки, впадающей в Мезенскую губу Белого моря, и крупного притока Ваги. Эти наименования имеют общее происхождение. Еще Кастреном было установлено, что в основе названия *Kuloi* следует видеть саам. *kuolle* ‘рыба’, а формант он рассматривал как фин. *oja* ‘река, речка’²², т.е. ‘Рыбная река’ = фин. *Kalaoja*. Ближе, однако, другая саамская форма – *кӯль* (кольск.). Формант также целесообразнее возводить к саамскому языку, ср. *oj*, *uaj*, *uoij*²³, кольск. *вуэий* ‘ручей, река’. Отсутствие губного звука в названии *Кулой* не должно смущать: в некоторых саамских по происхождению топонимах он явно субституирован, ср. *Шидбой* (Белозерский край), в других, напротив, отсутствует – *Явроя*. Как и при освоении конца слова (*ой* или *оя*), наличие этого звука или его адекватного рефлекса зависело от особенностей местного саамского диалекта и русской адаптации. Заметим, однако, что на Русском Севере, в многочисленных случаях употребления саамских по происхождению терминов как топонимов в анлауте регулярно встречается *в* (*Воля*).

Река *Коленьга* самый крупный приток важского Кулоя. Поскольку это название явно относится к гидронимам на *Vн(ь)га*, причем географически принадлежит почти к центру их ареала, есть все основания членить его *Кол-еньга*, выделяя тем самым основу *кол-*, которая может быть сопоставлена с мар. *кол* ‘рыба’. В этом случае гидроним *Коленьга* допустимо рассматривать как метонимическую кальку к *Кулой*, считая, что *Vн(ь)га* = *ой* и тоже имеет значение ‘река’. Первая часть этого вывода больше аргументирована, вторая – меньше, так как нельзя быть полностью уверенным в том, что *Vн(ь)га* – точное соответствие саам. **oj*, а не какой-либо иной топоформант.

Так как гидронимия на *Vн(ь)га* относится к севернофинскому типу (см. прим. 11), кальку следует считать саамско-севернофинской (“чудской”). Из этого наблюдения можно сделать ряд выводов различной степени риска: о непосредственном контакте на территории Русского Севера в древности саамов и севернофинской чуди, что, видимо, и соответствует действительности; о том, что саамское название в данном случае древнее, поскольку *Кулой* более значительная река, и было калькировано в “чудском” языке; о том, что саамы жили севернее, что подтверждается не только существованием беломорского Кулоя, но и множеством других, намного более доказательных фактов; о том, что язык топонимии на *Vн(ь)га* ближе к волжским, особенно к марийскому и т.д.

Но наиболее интересно все-таки, что это, пожалуй, первый случай засвидетельствованной в русской топонимии саамско-севернофинской метонимической кальки, позволяющий надеяться на новые находки такого рода в будущем.

Названия с популярной в топонимии семантемой ‘рыба’, видимо,

часто калькировались. Так, на территории мерянских земель есть две реки *Колокша* (притоки Волги и Клязьмы), названия которых Фасмер сопоставляет с марийск. *kol* ‘рыба’ и марийским же суффиксом *-kš*²⁴. Целесообразно, однако, выделять здесь формант *-окиша*, связанный с марийск. *укиш*, фин. *oksa*, саам. *oakse* ‘ветвь’, субстратными формантами *-екша*, *-екса*, *-окса* (см. выше – 1. *Чёлмохта*). Но главное, что предложенная Фасмером этимология основы подтверждается для волжской Колокши смежным названием слободы *Рыбное* (ныне город *Рыбинск*) (Фасмер III, 526).

4. Немь

Река Немь (коми Нэм ю) – значительный левый приток Выгчеды в ее верхнем течении. В устье реки находится село Усть-Немь (коми Нэмдін). В документах XVI–XVII вв. река именовалась *Немья*, что позволило А.И. Туркину предложить мансийскую этимологию: *я* ‘река’, *нам (нәм)* ‘имя’, т.е. ‘Именная река’²⁵. Эта этимология не вызывает доверия по двум причинам, хотя в фонетическом отношении соответствие здесь полное, поскольку восстанавливается древняя обско-угорская форма **nēm* ‘имя’²⁶. Во-первых, в русских документах *-я* в субстратных названиях часто отражает адаптацию и может не относиться к мансийскому языку. Это хорошо показал А.И. Попов, критикуя работу А. Каннисто, который ошибочно считал мансийскими многие названия рек с финалью *-я* на территории Приуралья²⁷. Но если даже письменная фиксация *Немья* действительно отражает мансийское *я*, то основа гидронима совсем не обязательно является мансийской, так как субстратные названия могли приспособливаться манси к своему языку. Во-вторых, семантическая модель ‘имя’ в гидронимии встречается крайне редко: в мансийских и хантыйских названиях она пока не обнаружена, в коми топонимических словарях (см. прим. 9, 25) нет речных наименований с основой *ним* ‘имя’, в русской гидронимии автору известна одна река *Именная*, связанная с горнозаводским Уралом. Этот гидроним, видимо, имел значение ‘личный’ или ‘лично государем данный’ (ср. *именной указ*) (Даль² II, 43). Предполагать, что в топонимии таежных жителей могут встретиться наименования с такой семантикой, нет оснований.

Другую версию – опять же на обско-угорской основе – предлагает А.П. Афанасьев, сравнивая название этой реки с обско-угор. *нум, нэ-мыт* ‘верхний’²⁸. В этом случае, напротив, топонимическая семантика безупречна, но фонетически этимология несостоятельна, поскольку восстанавливается обско-угор. **ni-* (манс. **ниңк*, **нитәл*, хант. **ниң*, **нит*)²⁹, которое не могло трансформироваться в **nēm*.

Поэтому источником названия мог быть и какой-то другой язык, ср., например, фин. *niemi*, карел., ливв. *niēti*, люд. *niēt*, вепс. *niēt*, вод. *niēti*, эст. *neet* ‘мыс’³⁰. Фонетически это соответствие безусловно (колебание *n* ~ *ñ* могло иметь место в языке-источнике, как это пока-

зывает и прибалтийско-финский материал). Семантическая сторона тоже не вызывает вопросов, так как в топонимии значение ‘мыс’ одно из самых обычных (ср. в субстратной топонимии Русского Севера названия рек *Нема, Немка, Немкурка, Немнюга* < *Немъюга, Немручей* и др.). Однако проблемы все же есть.

Прежде всего, звуковая элементарность топоосновы типа SVC создаст условия для случайных совпадений. Следовательно, возникает вопрос, нет ли каких-нибудь дополнительных аргументов, подтверждающих предлагаемую версию. В этом отношении интерес представляет русское название села *Мыёлдино*, находящегося примерно в 30 километрах выше устья реки *Немь* на правом берегу Вычегды – *Мыс*. Коми ойконим возводят к наименованию реки *Южная Мылва* (коми *Мыл, Мыл ю*), поскольку устье этой реки (коми *дин* ‘устье’) находится в 5–6 километрах выше села³¹, а гидроним рассматривают как гибридное коми-обско-угорское название (хант. *мыл* ‘глубокий’, коми *эль* ‘ручей’)³². Таким образом, наименования *Мыёлдино* и *Мыс* не связаны друг с другом. Разумеется, считать название реки *Немь* ‘Мыс(овая)’ и рус. *Мыс* собственно метонимической калькой затруднительно. Но есть следующее свидетельство: «Первое упоминание о селе Мыёлдино находим в переписной книге 1678 г. “Починок Усть-Курья на реке на Вычегде: поселились... с погосту Усть-Неми...” Починок Усть-Курья, вероятно, совр. д. Курьядор, ныне входит в состав Мыёлдино»³³. Это свидетельство может указывать на перенос названия *Мыс* и более раннее калькирование.

Но можно ли допустить существование прибалтийско-финских гидронимов в бассейне Вычегды, далеко от мест их современного распространения? Топонимисты республики Коми отвечают на этот вопрос положительно³⁴. Однако будем осторожнее: топоформант *-нем* (а следовательно и основа *нем-*) во всех его многочисленных вариациях был характерен в древности не только для прибалтийско-финской топонимии, но и для названий заволочских саамов³⁵, а, возможно, севернофиннов и даже тех волжских финнов, которые некогда проникали в бассейны Сев. Двины и Онеги. С определенностью это можно теперь утверждать о саамах в свете недавних фиксации СТЭ в населенных пунктах по реке Лая близ Архангельска. Здесь обнаружено гнездо типичной саамской топонимии, для которого, в частности, характерен и формант *-нем* в вариациях *-нема* и *-мина*, ср. *Шубнема* (саам. норв. *suppe*, кольск. *субнь* ‘осина’), *Мурмина* (саам. норв. *tuorrâ*, кольск. *мурр* ‘дерево’), *Небрисмина* (саам. норв. *næwges* ‘плохой’), *Силосмина, Силозеро* (саам. норв. *sille* ‘скудный, бедный; малорыбный’) и др.

Все это позволяет в равной степени предполагать как прибалтийско-финское, так и саамское происхождение гидронима *Немь*.

Примечания

- ¹ *Vasmer M.* Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. IV. Die ehemalige Ausbreitung der Lappen und Permien in Nordrussland // SPAW. Phil.-hist. Klasse, XX. Berlin, 1936, 202.
- ² *Ibid.*, 205, 207, 212.
- ³ *Ibid.*, 202.
- ⁴ *Vasmer M.* Die alten Bevölkerungsverhältnisse Russlands im Lichte der Sprachforschung // Preussische Akademie der Wissenschaften. Vorträge und Schriften. Heft 5. Berlin, 1941, 19–20.
- ⁵ *Матвеев А.К.* О некоторых субстратных топонимизмах на русском Севере // Всесоюзная конференция по финно-угроведению. Июнь 1965 г. Тезисы докладов и сообщений. Сыктывкар. 1965, 78–80.
- ⁶ *Поспелов Е.М.* Метод географических терминов в анализе субстратной топонимии Севера // Местные географические термины. Вопросы географии. Сб. 81. М., 1970, 101.
- ⁷ Там же, 98.
- ⁸ Там же, 101.
- ⁹ *Афанасьев А.П.* Топонимия республики Коми: Словарь-справочник. Сыктывкар, 1996, 18, 47, 50, 52, 151.
- ¹⁰ Подробнее см.: Suomen kielen etymologinen sanakirja. II. Helsinki, 1958, 424.
- ¹¹ См.: *Матвеев А.К.* Происхождение основных пластов субстратной топонимии русского Севера // ВЯ. 1969. № 5, 51–53.
- ¹² *Муллерен И.И.* Гидронимия бассейна реки Ояты. М., 1988, 89–90.
- ¹³ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–начала XVI в. Т. II. № 316. М., 1958, 284.
- ¹⁴ Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг. №№ 523, 534 et passim. Л., 1990.
- ¹⁵ Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Часть II. СПб., 1894, 132.
- ¹⁶ *Попов А.И.* Из истории финно-угорских народностей. Дис. ... докт. ист. наук. Часть I. Л., 1947, 305–307.
- ¹⁷ *Поспелов Е.М.* Указ. соч., 101; *Матвеев А.К.* Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР. Дис. ... докт. филол. наук. М., 1970, 477.
- ¹⁸ *Афанасьев А.П.* Указ. соч., 151.
- ¹⁹ *Castrén M.A.* Bemerkungen über sawolotscheskaja Tschud // Nordische Reisen und Forschungen. Kleinere Schriften. SPb., 1862, 96.
- ²⁰ В соответствующих субстратных топонимах нет следов суффикса порядковых числительных. Это создает проблему, для решения которой данных пока недостаточно.
- ²¹ *Матвеев А.К.* Об одной фонетической особенности севернорусских апеллятивных заимствований из финских языков // Вопросы советского финно-угроведения. Тезисы докладов и сообщений на XIV Всесоюзной конференции по финно-угроведению. Саранск, 1972, 18–19.
- ²² *Castren M.A.* Op. cit., 102.
- ²³ *Itkonen T.I.* Wörterbuch des Kolta- und Kolalappischen. Helsinki, 1958, 765.
- ²⁴ *Vasmer M.* Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tscheremissen // SPAW. Phil.-hist. Klasse, XIX. Berlin, 1935, 554, 567.
- ²⁵ *Туркин А.И.* Топонимический словарь Коми АССР. Сыктывкар, 1986, 78.
- ²⁶ *Honti L.* Geschichte des obugrischen Vokalismus der ersten Silbe. Budapest, 1982, 168.

- ²⁷ Попов А.И. Топонимическое изучение Восточной Европы // Ученые записки ЛГУ. № 105. Серия востоковедческих наук. Вып. 2. Советское финно-угроведение I. Л., 1948, 110–111.
- ²⁸ Афанасьев А.П. Указ. соч., 110.
- ²⁹ Honti L. Op. cit., 166–167.
- ³⁰ Suomen kielen etymologinen sanakirja. II, 376.
- ³¹ Туркин А.И. Указ. соч., 75.
- ³² Афанасьев А.П. Указ. соч., 108–109.
- ³³ Туркин А.И. Указ. соч., 75.
- ³⁴ Туркин А.И. Краткий топонимический словарь. Сыктывкар, 1981, 8–9; Афанасьев А.П. Указ. соч., 18.
- ³⁵ Матаев А.К. Происхождение основных пластов субстратной топонимии русского Севера, 47.

Л. Мошинский

ГОТСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ КОПИТАРА 1836 г. В СОПОСТАВЛЕНИИ СО ВЗГЛЯДАМИ СОВРЕМЕННЫХ ЭТИМОЛОГОВ

Старейшим славянским этимологическим словарем, цитируемым всеми современными этимологами, является *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen* Ф. Миклошича, опубликованный в 1886 г. Несомненно, правы и Ф. Славский, утверждая, что “единственной законченной работой, дающей и сейчас некое целостное представление об общем словаре разных славянских языков, является труд Ф. Миклошича *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*, изданный в Вене в 1886 г.” (Sławski – Słownik prastowiański 1, 5), и О.Н. Трубачев, который напоминает, что “первый научный труд под названием “Этимологический словарь славянских языков” издал в конце прошлого века Миклошич” (ЭССЯ 1, 5). Однако, не отнимая пальмы первенства у Ф. Миклошича, нельзя отодвигать в тень предшественников славянской этимологии, какими были Йозеф Добровский и Бартоломей (Ерней) Копитар. Но насколько этимологические идеи Й. Добровского рассеяны в его общих работах, прежде всего в эпохальном труде *Institutiones linguae Slavicae dialecti veteris* (Vindobonae 1822), настолько этимологические взгляды Копитара сосредоточены в словарики, который он присоединил к своему труду *Glagolita Clozianus id est codicis glagolitici inter suos facile antiquissimi (...) ill^{mo} Comiti, Paridi Cloz Tridentino felici codicis Domino dedicavit Bartholomaeus Kopitar* (Vindobonae MDCCCXXXVI). Этот словарики, названный им “*Vocabularium linguae Slavorum sacrae*”, включает в себя не только “*vocabula omnia Glagolitae Cloziani explicata*”, но также и “*Vocabula reliqua ejusdem dialecti sacrae, nonnisi simplicia, e Dobrovii et nostris collectaneis; quibus Derivata et Composita facile erit addere*”, и содержит так много этимологиче-